



**Александр
Коломийцев**
с. Зональное,
Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2-4/2017)

– 5 –

Поднялся Анаксимандр едва рассвело, наскоро позавтракав пшеничным хлебом, кой обмакивал в неразбавленное вино, отправился на агору. На рыночной площади кипела работа. Устанавливались прилавки, на отполированных многолетним употреблением досках тут же раскладывались товары; возводились разборные камышовые ларьки, навесы, перегородки, в устройстве которых чувствовались ловкие, привычные к делу руки. Отпирались лавки, стоявшие стеной и этой стеной ограничивающие площадь. Свободное пространство заполняли носильщики, лоточники с корзинами наполненными всевозможными, преимущественно съестными товарами; первые покупатели, зорко поглядывающие на прилавки, в поисках самолучших товаров по-

дешевле. На противоположном краю площади стоял гвалт, там число покупателей явно превышало количество доставленных для продажи продуктов. Первые покупатели быстрохватны, торопливы. Одно на уме, поскорей истратить один-два обола да бежать к гончарным кругам, ткацким станкам, на стройки, в мастерские. Настоящие, солидные покупатели, сопровождаемые парой рабов, придут чуть позже. Настоящие покупатели приходят на рынок отнюдь не с целью поскорей набить корзину харчами. Отбор продуктов для обеда – священнодействие, доставляющее истинное удовольствие. Исполнять оное действие могут исключительно мужчины. Съестной товар надобно осмотреть со всем вниманием, да не у одного торговца, а у нескольких. Прицениться, поспорить о цене, посмотреть, что берут друзья, подождать, не поднесут ли припасы получше. Посещение рынка для уважающего себя афинянина, – занятие архиважное и ответственное. Дело не только в закупке продуктов, это и раб сделать может, на рынке иной товар есть. Пока прицениваешься, осматриваешься, все городские новости узнаешь, а от заезжих купцов проведаешь, что нового случилось в Коринфе ли, Мегарах и подальше – в Византии, Галикарнасе, Сиракузах.

Анаксимандр направился вправо, где, как объяснял вчера эпимилет эмпория, находились лавки торговцев благовониями, благовонными маслами и среди них – лавка купца Хремила. Войдя в лавку, Анаксимандр охнул в привычные запахи. Два раба в белых хитонах, один наголо обритый, с продолговатым разрезом глаз и острым подбородком, второй с аккуратно подстриженными волосами и бородкой, готовились к приёму покупателей: смахивали пыль с прилавка и полок, протирали глиняные пузырьки. Сам хозяин, того же возраста, что и Анаксимандр, и даже чем-то на него похожий, в пурпурном пеплосе с золотой пряжкой, вышел из полумрака навстречу. Внутреннее убранство лавки, ухоженный вид рабов свидетельствовали об уверенном ведении дел и основательности предприятия.

– Хайре, уважаемый! – почтительно произнёс купец. – Что желаешь?

– Хайре! – отвечал Анаксимандр не менее учтиво. – Не ты ли Хремил? – дождавшись утвердительного ответа, продолжал: – Мне тебя рекомендовали в Пирее. Не требуется ли тебе розовое масло?

– А, так ты купец из Милета? Наслышан, наслышан. Вчера первая ласточка прилетела с азийских берегов и принесла в клюве толику розового масла. Показывай.

Анаксимандр раскупорил алабастр, протянул Хремилу. Тот капнул масло на ладонь, понюхал, лизнул, размазал масло по ладони, ещё понюхал, ещё лизнул, посмотрел на свет, обмыл руку в воде, исследовал ладонь, и протянул алабастр бритоголовому рабу. Раб произвёл с маслом те же манипуляции, поцокал языком. Раб и хозяин не произнесли ни слова, разговаривали глазами и мимикой. Какой вывод сделал бритоголовый, Анаксимандр не понял, но, возвращая алабастр, Хремил резюмировал:

– Забираю всю партию.

Хитроумный афинянин, стремясь приобрести товар подешевле, плёл словесную паутину. Но милетянин тоже был не лыком шит и прекрасно понимал, что в Афинах, средоточии эллинской жизни, спрос на его товар достаточно высок, а запасы у купца за зиму поистощились, и он сам действительно выступал в роли первой ласточки. В итоге взаимных уговоров, плетения небылиц и покупатель, и продавец весело рассмеялись и к обоюдному удовольствию ударили по рукам. Хремил был готов сей же момент отправляться в Пирей за товаром, но Анаксимандр остудил пыл со товарища по ублажению капризов эллинских красавиц, заявив о необходимости свидания с трапедзитом. Хремил велел бритоголовому на рысях бежать домой и, прихватив пяток рабов, хоть из кухни, хоть из мастерской, отправляться в Пирей, Анаксимандру же объяснил:

– Выйдешь из лавки, бери наискосок вправо, к выходу в Керамик. Возле Пёстроного портика располагается рыбный круг, да его сразу найдёшь, там всегда

галдэж стоит, вот за рыботорговцами и сидят трапедзиты.

На рыбном кругу брякал бронзовый колокол, оповещая покупателей о привозе свежего товара, и верное направление в шумливой толпе, заполонившей рыночную площадь, Анаксимандр определил быстро и также быстро отыскал Хрисиппа, на которого ему указали дома, в Милете. Все трапедзиты мира казались единокровными братьями – крючковатые носы с горбинкой, скользкие оценивающие взгляды, морщинистые лбы, скорбно-обиженные лица с желтоватой кожей, словно повелителей денег точила неизлечимая внутренняя болезнь.

Обменяв деньги, Хрисипп спросил:

– Почему меня искал? Милетские деньги любой трапедзит обменяет. Дело ко мне есть?

– Есть, есть, – скороговоркой пробормотал Анаксимандр, обрадовавшись, что трапедзит сам заговорил на нужную тему, вытащил из-за пазухи небольшой папирус, свёрнутый трубкой, протянул Хрисиппу. – Милетский трапедзит Тимандр выдал заёмное письмо на 6000 драхм на твоё имя.

Прежде, чем сломать, Хрисипп скрупулёзно осмотрел печать, развернул свиток, оглядел симболон, внимательно прочёл текст, опять долго рассматривал симболон, перечитывал текст, то приближая папирус к носу, то отставляя на вытянутой руке. Сокрушённо объявил:

– Знаю Тимандра. Знак и печать подлинные, письмо верное. Большая сумма, целый талант. Когда желаешь получить деньги?

– Да я пока хотел лишь удостовериться, что деньги получу. После праздников начну товары закупать, тогда и подойду.

– Подходи, когда решишь, не забудь свидетеля найти. Предупреди за день, я деньги приготовлю.

На том и порешили, Анаксимандр направился в лавку благовоний, где в нетерпении его поджидал Хремил. В толчее у рыбных прилавков появился и тут же исчез давешний оборвыш, и словно бы взгляд был устремлён не куда-то, а именно на него, Анаксимандра.

Занятый своими мыслями, купец мельком отметил, что малец не в том месте ищет клиентуру. Да может, хозяин его за рыбой послал? Хотя на рынок ходят взрослые рабы. Мысль о гостиничном зазывале была несущественной, её тут же оттеснили собственные заботы и новые впечатления.

На рыбном кругу волей-неволей пришлось задержаться. Экономя время, Анаксимандр направился не вокруг торжища даров моря, а буром полез напролом. Только что, когда искал трапедзита, мимо прилавков пробирался свободно, требовалось лишь поворачиваться порезвей. Но правильно гласит народная мудрость: «Прямо только вороны летают». У второго стола разразилась свара, прыткого милетянина стиснули со всех сторон, не позволяя и шагу ступить. Толстуху в огромном бесформенном чепце и с необъятной грудью, колыхавшейся под хитоном, длинная и сухая как жердь бабёнка обвиняла в жульничестве, призывая в свидетели весь род людской. «Сама видала, как брызгала! У неё под хитоном кувшинчик с водой спрятан. Обыскать надо! – визгливо причитала разгневанная баба, указывая одновременно и на торговку, и на корзину с рыбой. – Рыба-то мокрая, гляньте, гляньте, люди добрые! У-у, жульё! Погибели на вас нет!» У «жердины» тут же отыскались доброхоты, в лицо толстухе летели оскорбления, глаза метали молнии, готовые испепелить торговку. Бедняга покрылась потом, нижняя губа отвисла и тряслась, из уст вырывались оправдания: «Не брызгала, не брызгала! Врёт она!» Оскорбления перешли в угрозы, момент для торговки наступил критический, участь её могла оказаться плачевной, но нашлась холодная голова.

– Уважаемые! – воскликнул широкоплечий мужчина с квадратной бородой, притиснутый разгневанной людской массой к самому прилавку. – Уважаемые! К порядку, к порядку. Не надо из себя выходить. Пусть агораном разберётся.

Сварливая баба, устроившая переполох, не унималась.

– Ага, дождёшься их, как же. Как не надо, так вечно под ногами крутятся, как

жуликов ловить, так не дозовёшься. Отобрать у ей рыбу, вот и весь сказ, в другой раз поостережётся.

– Не бузи! – жёстко оборвал скандалиста широкоплечий. – Вон, идёт уже.

Толпа и вправду раздалась в стороны, давая проход важному коротышке с нахмуренным челом. Взоры оборотились на блюстителя рыночных порядков, а из-под стола показалась вихрастая мальчишечья головёнка, худая, быстрая лапка нырнула в корзину и вернулась с зажатой в ладошке сардиной. Действо произошло столь быстро, что Анаксимандр усомнился, видел ли он сей неблаговидный поступок. Агораном заглянул в корзину, подозрительно посмотрел на торговку, обратился к толпе:

– Что случилось, уважаемые? Только по одному, не все сразу.

– Вот она, – прежним визгливым голосом, вызвавшим гримасу на лице коротышки, возвестила «жердь» и для верности указала пальцем, – вот она рыбу водой поливала. Сама видала. Вели скифу обыскать, она в хитоне кувшин с водой прячет.

Толстуха задохнулась от негодования, лицо налилось свекольной краской, глаза выпучились. Агораном жестом велел торговке молчать, спросил у сгрудившихся и напиравших на него покупателей:

– Свидетели есть?

Свидетелей не оказалось, зато к толстухе вернулся дар речи.

– Уважаемый, меня послушай. Солнце ещё не поднялось, жары нет, какой же рыбе быть, как не мокрой? Сам посуди, сардины нарасхват идут, зачем мне их водой поливать? Со зла эта жердина на меня клепает. У-у, злыдня!

– Тихо, бабы, не лайтесь! Сейчас разберёмся. – Агораном призадумался.

– А она дело говорит, – широкоплечий вступился за торговку. – Рыбу в полдни водой поливают, когда покупателей мало. Сейчас-то зачем? Да они в цене не сошлись, я же тут стоял, ждал, пока вот эта рыбу купит. Она обол дала, та ей десять сардин выложила. Этой не понравилось, рыба, дескать, мелковата, ещё полдесяток добавь, та

ни в какую. Вот и заспорили. Ты кончай эту свару, меня работа ждёт, а я бабьи склоки разбираю.

Симпатии толпы переменялись. Уже в адрес сварливой покупательницы слышались гневливые выкрики. Своими претензиями та застопорила торговлю, а народ с утра в рыбном ряду собирался ремесленный, занятой, временем для склок не располагающий. Разбирательство прервалось воплем старика, продававшего рыбу рядом с толстухой. Малолётние воришки – бич всякого рынка, чистили под шумок всё подряд и впопыхах опрокинули у старика корзину. Поймать злоумышленников не удалось, благодаря малому росту, двое воришек ужами скользнули меж ног толпившихся людей и скрылись.

– Это из-за тебя всё! – негодовал старик, грозя скрюченным пальцем. – Не нравится цена, сами иди, лови. Да она и ко мне подходила. Даёт обол, а рыбы требует на драхму.

Старик назвал «жердину» «общипанной вороной» и принялся собирать рассыпанную рыбу. Агораном выговаривал склочнице:

– Ещё устроишь скандал, я тебя саму оштрафую.

Рыночное происшествие неожиданно полыхнувшее, словно куча сухой соломы от коварной искры, также быстро, как солома, прогорело, и уже всяк занимался своим делом. Повинуясь движению людского потока, Анаксимандр оказался за пределами нервного рыбного круга.

Казалось бы, пустяк, сразу и непонятно, что к чему, первый раз услышишь – бестолковый закон. Призадумаешься – власть о городском люде печётся, для которого драхма – большие деньги, день-два трудиться надо, чтобы заработать. Особое попечение агораномы оказывали рыбному кругу, но и хлебные ряды не оставались без внимания, там несли службу ситофилаксы и неумолимые скифы с хлыстами за поясом поблизости крутились. Рыбным торговцам строго-настрого запрещалось обрызгивать рыбу водой. Заветренную рыбу кто возьмёт? Волей-неволей цену придержишь, чтобы

побыстрее товар разобрали, иначе, с чем пришёл, с тем и уйдёшь. Рыбу, пожалуйста, покупай сколько хочешь. Вот хлеб – особый товар. Ушлым людям предел не поставить, живо сообразят, что к чему. Через бездельников, которые за дармовщинкой да лёгким заработком гоняются, да хоть и собственных рабов к делу приспособят, живо хлеб скупят, попридержат да и продадут с наваром. Кому-то навар, кому-то беда. А если граждане бедствуют, то и государство, ткни – развалится. Своего хлеба в Аттике давно не хватает, купцы, что с Понта Евксинского зерно возят, – процветают. Оборотистые люди любую нехватку себе на пользу обернут. Властям ухо остро держать надо. Кто во власть своих людей выбирает, тот всем и заправляет, о том она, власть, и печётся. Но человеческая природа неисправима. Самый благой закон можно вывернуть наизнанку.

Продажа масла заняла весь день. Сделка, совершенная к обоюдному согласию, взаимно расположила купцов, и подвигла к дружескому соучастию. Афинянин взялся покровительствовать милетянину. Планы Анаксимандра о закупке масла и расписных амфор выслушал, словно просвещённый горожанин рассуждения наивного хлебопашца.

– Хороший прибыль получишь, не спорю. Масло – ходовой товар. Но, если хочешь иметь настоящий барыш, закупи серебро. Верное слово говорю, афинское серебро везде с барышом продашь. Сам прикинь, откуда милетские златокузнецы серебро берут? Насчёт серебра поинтересуйся у Гефестиона. На агоре спустись по ступеням, минай Булевтерион, как раз к храму Гефеста и выйдешь. Возле храма кузнечные поделки и продают. Там же и торговцев металлом встретишь. Кстати, деньги на хранение жрецам Гефеста отдай, и в сохранности пребудут, и под рукой. Подумай.

– Уговорил. Пожалуй, и то, и другое, и третье возьму, – Анаксимандр махнул рукой и рассмеялся от полноты чувств. – И амфоры возьму, и масло, в Милете их уже ждут. И на серебро денег хватит, у меня заёмное письмо на талант имеется.

– Ишь ты-и! – Хремил вскинул брови и потрепал друга по плечу. – Видно, если такими деньгами ссужают, большим почётом в своём Милете пользуешься. И лачужку, наверное, имеешь белокаменную, о двух этажах, с садом и бассейном.

– Ещё и мраморная кора в саду стоит, – опять засмеялся милетянин. – Свидетелем пойдёшь? Я никого в Афинах не знаю, а трапедзит свидетеля затребовал.

– Отчего ж не пойти? Пойду, с меня не убудет, хорошему человеку всегда рад услужить. Смотришь, сам в Милет нагряду, и ты мне чем-нибудь поможешь. Знаешь что? Приходи ко мне сегодня обедать. Кунаками сделаемся.

Предложение добродушного афинянина пришлось по душе. Почему и не завести знакомство в Афинах? Честной торговле это на пользу. А Хремил Анаксимандру понравился.

Деньги, вырученные от продажи розового масла, Анаксимандр сдал на хранение жрецам Гефеста, заодно преподнёс в дар храму кинжал, купленный тут же на площади у задержавшегося коринфянина. Седобородый жрец, принимавший деньги на хранение и дар богу, не отказался просветить щедрого чужестранца о порядках торговли металлом и кузнецами изделиями. Благодаря непринуждённой общительности и щедрости, Анаксимандр выяснил интересующие его вопросы: цены, дни, по которым привозят серебро, как вести дело с тем или иным купцом.

Наведавшись в гостиницу и перекусив заедками – пшеничным хлебом с вином и ватрушками с творогом, отправился в городскую баню. Гостиничная баня не понравилась – грязновата и без парилки.

В парильне Анаксимандр долго лежал, давая отдых натруженным за день ногам и доверившись воле нанятого в бане раба-египтянина. Тот, не позволяя клиенту сомнеть, поливал голову холодной водой, после размял распаренное тело, смазал моющей пастой, помог обмыться. Полежав в горячей ванне, Анаксимандр, завернувшись в

накидку, сидел на скамье, отдыхал, приглядывался к афинянам, прислушивался к разговорам. Разговоры крутились вокруг предстоящих праздников, о политике никто не вспоминал. Были забыты цены на хлеб, масло, лес, рабов. Припоминали имена прошлогодних победителей – актёров, поэтов, хорегов. Обсуждали нынешних исполнителей литургий и тоже гадали, кто получит в награду бронзовый треножник. Имена были неизвестны Анаксимандру, но слушал милетянин со вниманием, стараясь вжиться в атмосферу праздника. Обсуждали достоинства Лисикраты, супруги нынешнего архонта-басилея, которая на время празднеств должна вступить в священный брак с божеством. Отдохнув, Анаксимандр кликнул банщика, тот умастил тело благовонным маслом, и купец отправился в гости.

С внутренней стороны пропилона гостей встречали молодой раб и рабыня. Парень снимал сандалии, омывал ноги, девушка водружала на голову гостя венок из мирта, гиацинтов и тюльпанов, подошедший хозяин радушно раскрывал объятия и, поприветствовав новопривывшего, провожал в столовую. Кроме милетянина, присутствовали ещё восемь гостей. Двое из них, как понял в дальнейшем Анаксимандр, пришли сами, без приглашения. Это были обычные надоеды, завсегдагаи чужих пиров и пирушек из числа всеобщих знакомцев, что так и ладятся навязаться приятелю и сходить с ним на званный обед. Подобные гости Анаксимандру были хорошо знакомы. Тут уж ничего не поделаешь, не хочешь прослыть жмотом и скупердям, привечай и незваных гостей. Знать, в этом доме подавали хорошо. На болтушку, ячменную лепёшку с пареной репой да лягушачий напиток прихлебатели не слетаются.

Гвоздём обеда явились жареные дрозды и черепаха под острым соусом, а симпозиума – белое лесбийское вино. После воздаяния должного богам олимпийским, отеческим, покровителям рода, афинским героям, под бесшабашные клики: «Хайре, хайре, каи пиа!», приступили к возлияниям. Двенадцатилетний сын Хремил для усла-

ды гостей и почёта родителю громким звонким голосом почитал из Гомера. В соответствии с приближающимся праздником пели дифирамбы под авлос, и разговоры опять же шли на тему праздника и театральные представления.

В гости Анаксимандр явился без приличествующих случаю атрибутов и, выказывая участие и гостеприимство, обязательные подарки с пиршественного стола Хремил сложил в свою корзину, а для сопровождения по тёмным улицам дал своего же раба, нёсшего факел и корзину с яствами. Прощаясь, предложил отмечать праздник вместе, полагая, что милетянин не знает местных обычаев, самого порядка проведения праздника, может ненароком попасть впросак и тем уронить себя в глазах окружающих. Анаксимандр был очарован.

На рассвете первого дня Великих Дионисий толпы афинян и чужестранцев, праздничные одежды которых дополняли яркие цветы, устремились через городские ворота в Ленеи. Отсюда, из местного театра, началось торжественное шествие.

На праздник Хремил отправился вдвоём с супругой. Перкала блистала нарядами и украшениями. Не часто аттической женщине из добропорядочного семейства представлялся случай предстать во всей красе. Дорогой лилейный пеплос до пят свободно ниспадающей апоптигмой оставлял обнажёнными руки и шею. Золотистые локоны свешивались на грудь, запястья охватывали золотые браслеты, золотом отсвечивали застёжки на плечах. Головы обоих супругов украшали венки из гиацинтов. Улыбаясь, Перкала такой же венок водрузила на голову мужниного друга. Накануне милетянин подстригся по афинской моде, волосы до плеч здесь уже не носили.

Архонт-басилей возвестил о начале праздника.оборотив лицо к небу, вознеся руки, произнёс хвалебную молитву. Жрецы в длинных белоснежных хитонах вынесли изображение бога, выполненное из обожжённой глины. Жена басилея облекла божество в белый хитон. Орхестра заполнилась му-

зыкантами, одетыми в короткие хитоны менадами, сатирами в козлиных шкурах. Музыканты заиграли на авлосах, менады били в тимпаны, вместе с сатирами увидели божество миртом, плющом, виноградной лозой, подхватили на руки, вынесли из театра. Здесь уже ждала четырёхконная повозка, представлявшая собой деревянную площадку примерно полторы оргии в длину и одну в ширину, установленную на двухосное основание. На повозку установили божество, усадили в кресло его священную супругу, забросали зеленью, цветами, увидели виноградной лозой. По углам повозки из вороха зелени и цветов выглядывали четыре фаллоса. Сатир с взлохмаченной шевелюрой и бородой, диковатым взором взял в руки вожжи. Процессия двинулась. За повозкой следовали музыканты, не прекращавшие игры на авлосах, пляшущие менады с тирсами в руках и сатиры. На некотором удалении от свиты бога – архонт-басилей, жрецы. И уже вслед за ними – паства. Здесь были и горожане, и представители всех аттических фил и эллинских государств, лишь спартиаты не славили бога виноградарства и всеобщего братства.

Шествие растянулось на полтора десятка стадий. Из головы колонны доносились звуки музыки, пение, постепенно захватывающее всю процессию. На подходе к городу пели все участники шествия. Перед городскими воротами произошла небольшая заминка, в процессию влилось стадо жертвенных животных – овец, коз. Внутри города колонна увеличилась в длину, разбухла, из боковых улиц в людской поток вливались всё новые и новые ручьи, ручейки поющих, танцующих людей, украшенных венками, а то и просто увитых плющом, виноградной лозой. По наблюдениям Анаксимандра, с живостью оглядывающегося на соседей, чинности, благолепия, сопутствующим праздникам в честь Аполлона, не было и в помине. Люди держались, словно находились дома, в кругу друзей и близких, когда никто никого не осуждает и не следит за благопристойностью. Его окружали не добропорядочные граждане,

а школяры, из-под опеки сурового, надоедливового учителя вырвавшиеся на свободу и устроившие по этому случаю весёлый тарарам. Лица светились по-детски просто-душной радостью, люди, положив руки на плечи соседям, шли, приплясывая, и песней славили бога, дарующего свободу. Процессия, между тем достигнув Панафинейской улицы, обогнула Акрополь, влилась в театр Диониса. Театр не вмещал всех желающих восславить бога. Пьянеющая без вина паства заполняла проходы между скамьями, склоны за пределами амфитеатра. Воздух Афин, священного местечка Ленеи наполнял дыхание бога, заставляющее закипать кровь и ограждающее подспудные порывы от запретительных усилий разума. Трепетное ожидание праздника, не сравнимого ни с какими иными, подготавливало людей к особому состоянию, а взаимное общение, пение, пляски Дионисовой свиты подогревали это состояние едва ли не до экзальтированности. Люди стояли, словно в хороводе раскачиваясь из стороны в сторону. Менады, сатиры взошли на оркестру, темп танцев нарастал, собственно, это был уже не танец, а необузданная пляска, не походившая на величественные танцы в честь коренных олимпийцев. Пение переходило в вопли, менады иступлённо вскрикивали: «Вакх! Вакх! Эвое!» Обнажившиеся тела их блестели на солнце от пота и масла. На алтаре запылал костёр. Глашатай, мощный, заросший волосами мужчина, перекрывая все звуки, прорычал обычное: «Молчите!» Разом смолкли авлосы, менады застыли в молчании, расширившиеся глаза их дико смотрели на глашатая. Перед алтарём встал жрец и молитвой попросил Диониса принять жертвы. Едва стихла молитва, меж расступившейся свитой к алтарю подогнались животных, предназначенных к закланию. Если бы не полубезумные пляски и вопли менад, происходящее на оркестре действо можно было отнести к обычным жертвоприношениям. Главный жрец выдернул из костра пылающую головню, сунул в воду. Едва чёрная, дымящаяся головешка была вынута из пифоса, в

воду окунулись руки жрецов, менад, сатиров. Омыв руки священной водой, жрецы пригоршнями черпали её и окропляли животных. Испуганных овец осыпали ячменём, солью. Вновь ожили авлосы, запели, завопили менады, пляшущим хороводом окружив алтарь, жрецов, сгрудившихся животных. Под эти звуки, заглушавшие испуганное блеяние, на головы животных обрушились дубины, острые ножи отворили кровь на горле, ловкие руки свежесвали, разделявали туши. Менады, казалось, окончательно лишились разума, ловили ладонями хлещущую кровь, пачкая лица, пили, поднося ладони ко рту. Вскоре дым костра напитался жиром, почернел.

Среди публики сновали лоточники, предлагая вино, жареное мясо. Нетерпеливые руки подставляли под тёмно-красные струи чаши, хватали куски дымящегося кушанья. Добропорядочные жёны, степенные матери семейств не отставали от мужчин, раздумываясь, блестя глазами, пили вино, громко переговаривались, взахлёб смеялись. После всеобщей трапезы менад, сатиров каким-то образом удалили с оркестры. Здесь остались изваяние бога и его священная супруга. Место у алтаря, где происходили жертвоприношения, прибрали. Из недр скены вышли хоревты в козлиных шкурах. Алтарь, божество, священная супруга оказались в разомкнутом со стороны амфитеатра круге. Заиграли авлосы, хор, танцующая, запел дифирамб. Гипорхема носила более упорядоченный характер, чем песни и пляски Дионисовой свиты. Хор повествовал о драматичном и вместе с тем чудесном рождении бога, его скитаниях по просторам Азии, встрече с разбойниками. Людей, переполнявших театр, расположившихся за его пределами, трудно было назвать зрителями. Переживания делали их соучастниками свершаемого священнодействия, мало того, они сами творили это священнодействие. Пение продолжалось до темноты, хор покинул оркестру при свете факелов.

Исполнением дифирамбов празднество не ограничилось. Наиболее рьяные поклонники виноградного бога, как из числа

афинян, так и чужестранцы, с которых дыхание бога и винные пары сбросили оковы чинности, не удовлетворившись действием происходившим в театре, разбрелись группами по склонам и равнине и там, ничем не стеснённые, продолжали коллективное общение с Дионисом-Бромием, Лиэем. Едва тьма коснулась земли, на склонах, на равнине запылали костры, в свете которых мелькали пляшущие тени. Атмосфера Афин пропиталась дымом, запахом жарившегося мяса, вина. В эти дни даже последний бедняк ел, если не свинину или говядину, то кусок ослятины имел обязательно и пил не воду, окрашенную вином и называемую лягушачьим напитком, а настоящее вино. То, что являлось предосудительным в течение всего года, во время Великих Дионисий превращалось в обычное явление. И даже рабы, не только домашние, но и труженики эргастерий догрызали кости, перепавшие с хозяйского стола.

У Анаксимандра голова шла кругом. Атмосфера духовного и телесного раскрепощения захватила добропорядочного милетянина, ноги сами сворачивали со стези добродетели. Супруги, очевидно, чувствовали то же самое и заторопились домой, пытаясь сохранить остатки добронравия. Но полуприкрытые ресницами глаза, полуприкрытые движения говорили о другом, разожжённые празднеством страсти требовали уединения. Анаксимандр отправился из театра вслед за отбывающей четой, с изумлением и непонятным восторгом оглядываясь окрест себя. Танцы у костров выглядели пляской освобождённой плоти. Заложив руки за спину, запрокинув голову, отчего грудь откровенно вздымалась, менады извивались, движения бёдер дышали экстазом. Мешающие пляске хитоны лоскутьями летели на землю. На равнине разгорячённая менада, пленяя взор обнажившейся грудью, попыталась увлечь одинокого мужчину в танец. Желание раствориться в винном хмеле, танце, экстазе любви повелевало повиноваться, но усилием воли Анаксимандр удержался от соблазна.

Следующий день был также посвящён хвалебным песнопениям, повествующим о браке Диониса с Ариадной, преклонением смертных перед божеством, освобождающим паству от мирских забот, ежедневной тяготы, дарующим волшебную лозу и колдовской напиток. Облечённые земной властью враги пытаются искоренить верования прозревших людей, препятствуют победному шествию бога, и он беспощадно наказывает их, как, к примеру, наказал Пенфея и Ликурга. Буйствующая свита в этот день на оркестре не появлялась, а, увлёкши в свои ряды наиболее горячих сподвижников, устремилась за городские стены на лесистые склоны холмов. Впрочем, на равнине, окружавшей Акрополь, и в эту ночь пылали костры, вокруг которых исполнялись исступлённые танцы и песни. Но общий накал по сравнению с первым днём праздника заметно снизился. К афинянам возвращалась благопристойность.

В третий день в театре исполнялись комедии. Женщины, даже замужние, комедии не смотрели. Комические поэты в своих шутках бывали чрезмерно откровенны. Впрочем, любознательным девам и замужним дамам никто не возбранял читать папирусы в тиши гинекеев.

Последние три дня посвящались трагедиям и драмам. Анаксимандр с досадой за родной город признал, что действительно в Афинах собирались лучшие поэты, актёры, хоревты. Да и исполнители литургий, стремившиеся блеснуть перед гражданами и запечатлеть своё имя в памяти потомков, установив бронзовый треножник на Акрополе, не жалели денег на обустройство представлений, содержание актёров и хоревтов. Но ущемлённое самолюбие не помешало насладиться игрой актёров. Первые дни празднества породили противоречивые чувства. Он не знал, хорошо ли было то, что происходило, или плохо. Когда Дионис дыханием своим вошёл в душу, он не чувствовал себя ничтожным, грешным смертным, приходящим в неопишувмый восторг от общения со низошедшим божеством. Он чувствовал себя свобод-

ным как ветер, он сам был буйным ветром и мог мчаться, куда заблагорассудится. И ещё, в те дни он мог сесть за один стол с нищим, бродягой, разделить с ним трапезу, назвать своим братом и умилялся этим чувством. Вернётся в Милет, обязательно обсудит с Левкиппом.

Через седмицу после Великих Дионисий афиняне славили Зевса – справляли Пандии. С подготовкой к отплытию домой следовало поторопиться, на время праздников всякая торговля прекращалась. Расписные амфоры и оливковое масло закупил быстро, на второй день товар лежал в портовом складе. С галерой проблем тоже не возникло, навигация шла полным ходом, и шкиперы наперебой предлагали свои услуги. Серебро же на рынок не поступало. Жрец Гефеста, которому вручил барашка для жертвоприношения, свёл с приказчиком одного из Лаврионовых рудников, приобретавшим для нужд производства кирки и молоты. Приказчик сообщил, что партия серебряных поковок поступит на рынок через день и по протекции жреца пообещал продать поковки Анаксимандру. Желающие закупить серебро обретались на рынке в большом числе и из самих Афин, и особенно из Спарты и Коринфа.

Получая деньги у Хрисиппа, Анаксимандр снова заметил замурзанную мордашку гостиничного зазывалы, тут же затерявшегося в толпе. Его взгляд почувствовал в Кантаре, при погрузке на галеру, но решил, что обознался. Какая надобность могла привести мальчика в гавань и крутиться не у прибывшей, а у отправляющейся в плаванье галеры?

С Хремилом Анаксимандр распрощался тепло, договорившись поддерживать связь. А вот с Диомедонтом более не встретился, лишь след обнаружил. Распродав ткани, земляк перекупил партию оливкового масла, лакедемонского оружия и ушёл в Понт Евксинский, рассчитывая получить барыш

от поставок в Афины пшеницы. Последнюю ночь на Аттике провёл в портовой гостинице.

Нос пузатой галеры бурунил волны, ярко-красное светило поднималось над бирюзовой водой, крикливые чайки провожали мореходов. Голову наполняли воспоминания. Анаксимандр ещё не расстался с Афинами. На Акрополе он побывал дважды – перед праздниками и после, когда ожидал прибытие каравана с Лаврионовых рудников. Главной целью, конечно же, был храм Афины. Храм в первоначальном облике по понятным причинам не видел. Нынешний же вид поражал великолепием. Стройные мраморные колонны дорийского стиля, безусловно, украшали жилище богини. Именно благодаря им храм ещё издали представлялся богатым и в сиянии солнца – лучезарным. Изображения борьбы богини с гигантами, фигуры львов и прочих зверей, по правде говоря, не поражали. В Милете имелись скульптуры не хуже. Но всё вместе – колоннада, фронтоны, скульптуры, раскрашенные метопы создавали неизгладимое впечатление. Побывал Анаксимандр и в священном округе Зевса Полиея и Пандионе, спускался в пещеру со святилищем Аполлона Пифийского, даже заглянул в храм Артемиды Бравронии, построенный при Писистрате. Скульптуры кор с непостижимыми девичьими улыбками умилили просвещённого милетянина. Таких кор в его родном городе не было. Постоял и у камня глашатая на старой агоре, с которого один из всемирных мудрецов Солон впервые говорил с народом. Афинский Акрополь – святыня Эллады, здесь сооружены храмы и святилища едва ли не половине олимпийцев. Молодцы афиняне, что убрали следы нашествия варваров-мидян и отстроили храмы с небывалым великолепием. Лишь кое-где памятью о страшном лихолетье на крепостных стенах остались ожоги пожарищ.

(Продолжение следует)